



## *Общие вопросы истории и философии науки*

УДК 165

DOI:

10.15372/PS20190401

**В.Н. Карпович**

### **АПРИОРНОСТЬ, ЛОГИКА И ДЕДУКТИВНЫЕ ТЕОРИИ: О РАЦИОНАЛЬНОСТИ РАЗНЫХ ВИДОВ ОБОСНОВАНИЯ В НАУЧНОМ ЗНАНИИ**

Рассматриваются и анализируются возможности дедуктивного упорядочения теоретического знания и выявления его предельных оснований. Аналогия с обоснованием математики со времен логицизма Фреге переносится на проблему обоснования теорий в экспериментальном естествознании. Анализ показывает, что аналогия с математическими теориями предполагает определенный взгляд на естественно-научное знание, при котором базисные первичные истины формулируются в каждой из научных дисциплин, а все остальные утверждения выводятся из них дедуктивно.

*Ключевые слова:* наука; знание; рациональность; теория; основание; математика; естествознание; дедукция; объяснение

**V.N. Karpovich**

### **APRIORI KNOWLEDGE, LOGIC AND DEDUCTIVE THEORIES IN SCIENCE: ON RATIONAL JUSTIFICATION IN NATURAL SCIENCE**

The paper considers and analyzes capacities of deductive organization for theoretical knowledge and revelation of its ultimate foundations. An analogy with the search of foundations of mathematics as it was realized by Frege's logicism leads to the problem of foundation of theories in experimental natural science. The analysis shows that the analogy with mathematical theories implies a certain view of natural science when assumptions of specific basic primary truths are expected to exist in each scientific discipline.

*Keywords:* science; knowledge; rationality; theory; foundation; mathematics; science; deduction; explanation

© Карпович В.Н., 2019

Возможность априорности знания после Канта относили только к математике, поскольку обоснованием для нее традиционно считались логические истины, хотя и не в том понимании, которое придавал им Кант. Однако вслед за объяснением зависимости арифметики от логики и от особых первичных истин (Urwahrheiten) Фреге как один из основателей современной логики обратился к объяснению, каким образом возможно синтетическое апостериорное знание. По аналогии с математикой возможность априорного синтетического он связывал с отсылкой логически выводных утверждений к первоистинам (Urwahrheiten), уже не относящимся к логике. Напротив, они принадлежат к естествознанию, и именно это делает их синтетическими. Различие сводится к противопоставлению общих логических истин и особых, или специально-научных. Юм доказывал, что законы природы представляют собой утверждения факта, и Фреге повторяет эту идею: естественные науки представляют собой особые дисциплины, и геометрия тоже относится к ним. Так возникает общая картина научной теории как системы знания, дедуктивно организованной с помощью логических правил и правил для определения терминов. Это средства для осуществления допустимых логических конструкций из выделенных путем анализа первичных положений.

После «Оснований арифметики» Фреге» [3] сторонники конструктивистской традиции в аналитической философии обратились к анализу нематематической реальности примерно в таком же ключе, как сторонники логицизма *Principia mathematica* [8] обращались к числам. Книга Рассела «Наше познание внешнего мира» [7] – это набросок конструкции внешнего мира из данных опыта. При этом «Логическое построение мира» Карнапа [2] представляет собой наиболее развернутую попытку сконструировать весь мир в его физической, биологической и даже антропологической данности из индивидуального опыта, причем из образов предметов (гештальтов), а не из отдельных чувственных данных.

В статье «Две догмы эмпирицизма» [6] Куайн указывает, что начальное обращение к внешнему миру в «Логическом построении мира» Карнапа состоит в приписывании некоторого свойства  $K$  определенной точке пространства-времени  $P$  и это приписывание осуществляется не индивидуально, но как часть общей системы приписывания качеств точкам, причем так, чтобы минимизировать возможные последующие изменения. Это значит, что когда какая-то часть опыта остается неизменной в то время как остальные изменились, приписывание  $K$  точке  $P$  может тоже измениться и поэтому наличие  $K$  в  $P$  не сводится ни к какой особой

части опыта. В этом как раз и состоит идея пресловутого холизма в мировоззрении Куайна как вывод из особенностей конструирования мира в дедуктивных системах подобного рода.

Это замечание Куайна стало тем самым поворотным пунктом, в котором обоснование эмпирического знания через отнесение его к опытным данным по модели фрегевского логицизма начало уступать место более целостному и исторически обоснованному представлению о подтверждении знаний. На самом деле этот подход является отступлением от идеи оснований и установления последующего логического порядка в дедуктивных теориях.

Основания как таковые могут быть более или менее глубокими. Достаточно сослаться на примеры сравнительной фундаментальности среди естественных наук, которые многие находят привлекательными. Химия, в частности, может считаться более фундаментальной, чем биология, а физика фундаментальнее химии. Отношение фундаментальности согласуется с уменьшением размеров фундаментальных единиц (от живых организмов к молекулам и от молекул к атомам). Стандартный подход заключается в том, чтобы объяснить макроуровень с помощью законов микроуровня. Конечно, можно отметить, что возможны отступления от этой схемы. В частности, на биологическом уровне явными становятся влияние истории развития и зависимость эволюции от внешних обстоятельств, а поэтому теряется уверенность в том, что эволюция самого предмета может быть сведена к химии примерно в том же смысле, в каком Фреге пытался свести математику натуральных чисел к логике.

Есть и исторические факты развития науки, которые могут противоречить программе объяснения макро- через микро-, а следовательно, и существованию окончательных первичных истин, т.е. первых и всеобщих начал (*Urwahrheiten*) в естествознании. Уже во времена Фреге учение молекулах считалось спорным настолько, что Эрнст Мах в них не верил. К настоящему времени пройден путь от молекул к атомам, от атомов к электронам и протонам, от протонов к кваркам и, возможно, от кварков к струнам. Каждый раз в моде оказывались все более глубокие микрообъекты, но возникающие трудности в конечном счете указывают на возможные пробелы и на необходимость выяснения связи между уровнями, вплоть до появления на каждом из них своих особых законов. Можно предположить, что это движение бесконечно и, возможно, в естественных науках не может быть тех самых базовых истин, *Urwahrheiten*, на которые опирался Фреге в своих рассуждениях об основаниях математики.

Исходя из установки на «вечные истины» не только в логике, но и в естествознании, Фреге считал, что апостериорные истины невозможно доказывать без обращения к безусловным фактам, т.е к истинам, которые принимаются без доказательств и при этом не являются общими, поскольку содержат утверждения о конкретных объектах. Таким образом, получается, что апостериорно установленные единичные факты считаются чем-то вроде тех самых «вечных истин» типа утверждений «Волга впадает в Каспийское море», а не знанием, подлежащим дальнейшему обоснованию. Такая теория представляет собой разновидность классического фундаментализма (трактовки научного знания как наличия обязательного обоснования всех истин<sup>1</sup>, причем классичность состоит в том, что бесконечность в регрессе обоснования допускается только относительная. Пределом обоснования считаются как раз «вечные истины», причем в каждой из наук допускается существование собственных первичных суждений, наряду с возможностью двигаться вглубь.

Здесь можно задать вопрос о статусе утверждений о единичных объектах, данных в опыте. Возможно, Фреге возвращается к единичным суждениям, но противопоставляет эти единичные суждения тем, на которые он ссылался при определении аналитичности. Там суждения о существовании и единственности, от которых зависит допустимость единичных терминов, рассматривались как условия принятия атомарного факта. Поскольку в математике функции тоже должны удовлетворять существованию и единственности их значения в области значений, а все функции можно сформулировать как предикаты с соответствующими свойствами, техника определенных дескрипций могла быть применена и к ним. Аналогично в естественных науках истины об отдельных предметах доказывались посредством отсылки к их свойствам через определенные дескрипции, которые содержали указание на существование и единственность предмета с заданными свойствами. В случае апостериорной истины, относящейся к отдельному предмету, можно предположить, что допустимость собственных имен (сингулярных терминов) будет зависеть не от общих логических законов, а от истин об этих отдельных предметах.

Возможно, в некоторых случаях условия существования и единственности выполняются остенсивными (наглядными) указаниями единичных объектов. Воспринимаемое непосредственно представлено чув-

---

<sup>1</sup> *Foundationalism*. In: International Encyclopedia of Philosophy. URL=<https://www.iep.utm.edu/found-ep/> обращение 10.11. 2019

ственными данными, и поэтому остенсивные определения, заключающиеся в демонстрации (остенсии) определяемых предметов, могут рассматриваться как способ включения чувственного опыта в множество апостериорных истин (хотя сам Фреге этого не утверждает). Следует отметить, что даже если считать применение остенсивных определений расширением понятия апостериорного по сравнению с его трактовкой у Канта, сама концепция апостериорного как знания, обоснованного опытом при этом сохраняется.

Фреге считает, что получаемая в результате дедуктивного обоснования истина априорна, если ее доказательство начинается с общих законов, которые не могут быть доказаны путем рассуждений, и даже не требуют такого доказательства. К этому предложению он добавляет сноску, в которой говорится о примитивных общих законах на том основании, что только из «отдельных фактов» ничего общего вывести нельзя; поэтому если в логической дедуктивной системе есть общие (универсальные) суждения, то это значит, что по крайней мере некоторые из *Urwahrheiten* (первичных очевидных суждений) должны быть общими.

Понятно, что обобщенные суждения существования вытекают из фактических утверждений об отдельных предметах путем экзистенциального обобщения, т.е. введением квантора существования, поэтому здесь Фреге под словом «генерализация» имеет в виду обобщенные (и не общие, т.е. не универсальные) суждения. Обобщение здесь состоит в переходе от наглядного доказательства существования и единственности предмета, указанного собственным именем, а значит, привязанного к обстоятельствам пространства и времени, к определенной дескрипции, содержащей указание на существование и единственность предмета, который совпадает с предметом (тождественен ему), обозначенным собственным именем. (Это иногда называют «particular generalization», буквально – частное обобщение, т.е. формирование обобщенного суждения посредством квантора существования). Но поскольку основные законы арифметики включают в себя экзистенциальные утверждения (в силу наличия функций, принимающих единственное значение при заданных значениях аргументов), арифметика может быть аналитической и априорной в смысле Фреге только в том случае, если общие законы, из которых они доказаны, включают и суждения существования. Это же замечание показывает, что Фреге считает, что заключение может быть обосновано только посылками, из которых оно достоверно выводится; он не оставляет места никаким другим способам обоснования, кроме дедукции.

Поскольку *Urwahrheiten* для аналитических истин должны быть общими универсальными суждениями, соответствующие законы для априорных истин тоже должны быть общими; логические истины для доказательства первичных априорных истин не нужны. Но в геометрии используются и исходные данные, для которых существуют единственные решения, например, теоремы, основанные на идее параллельности. Это различие ситуаций с обоснованием в геометрии позволяет рассматривать ее как априорную, но синтетическую, а не аналитическую дисциплину. Получается, что геометрия как априорная дисциплина должна содержать обобщенные утверждения. В то же время, чтобы она была синтетической, она должна быть обоснована содержательными истинами самой науки. Для этого требуется, чтобы специальные науки включали общие (внелогические, содержательные) законы. Здесь как раз и возникает закономерный вопрос, как такая особенность специальных наук может сочетаться с требованием общности исходных истин.

Следует при этом заметить, что хотя Фреге считает истины, доказанные исключительно из общих логических законов, аналитическими и априорными, он не говорит, что сами эти законы являются аналитическими и априорными. Можно рассматривать это как упущение со стороны Фреге. Предположительно, различия между истинами должны быть исчерпывающими, и Фреге не должен считать общие логические законы ни синтетическими, ни апостериорными, поскольку, если бы они могли быть доказаны специальными науками или фактами, то таким же образом было бы обосновано и все то, что из них выводится. Это сразу превратило бы арифметику в синтетическую, а потому и апостериорную теорию.

Общие законы, которые не нуждаются в доказательствах и даже не допускают их, выступают в таком учении об априорности на первый план. Эти отрицания необходимости дальнейшего обоснования, как представляется, подчеркивают абсолютную фундаментальность, первичность начальных истин, *Urwahrheiten*. Таким образом, учение Фреге об априорных суждениях почти столь же негативно, как и у Канта (когда априорное считается дополнением к апостериорному без дальнейшей спецификации). Здесь нужно было бы указать, как именно характеризуется априорная истина, аналитическая или синтетическая.

Можно допустить, что априорных истин не бывает. Действительно, допущение априори представлялось как отступление от программы аналитической философии в течение большей части XX века. Но нельзя не отметить, что с точки зрения истории науки некоторые утверждения как

бы «зависают», на каком-то этапе развития знания представляются безразличными. Например, человек, лишенный неправдоподобно широкого специализированного доступа к историческим свидетельствам, не будет склонен ни утверждать, ни отрицать суждение о том, что в полдень 1 апреля 1600 года в какой-то определенной географической точке, например в районе, где сейчас находится город Новосибирск, была температура около нуля градусов по Цельсию. Но вот утверждение, что всякий предмет тождествен самому себе, имеет другую историю согласия с ним: его почти всегда считают верным.

Эти факты относятся к естественной истории принимаемых убеждений, а не к эпистемологии. Назовем такие случаи, сходные с принятием по умолчанию идеи тождества предмета с самим собой, совпадением *утверждения истины и согласия* с ней. Такой речевой оборот вовсе не обозначает быстрого или легкого доступа к некоторому знанию через простое согласие. Но при этом окажется менее приемлемым представление об исключительно негативном определении априорности, ведь произнесение и принятие истин может иметь определенную историю, в которой бывают случаи длительной неопределенности или ожесточенных споров. Сам факт возможность таких споров свидетельствует о том, что непосредственного пути к истине не бывает.

Этот пробел в готовности принять или отрицать некоторые суждения имеет свою социальную сторону. В закон тождества верят не только те люди, которые его сами сформулировали. Если кто-то говорит о законе тождества, другие люди сразу соглашаются и не просят доказательств. Именно так специалисты в любой области выбирают аксиомы. Сам факт, что люди не требуют доказательств в некоторых особых случаях, подтверждает, что доказательства в этих случаях не нужны. Неприязнь, с которой относятся к человеку, требующему доказательств «очевидного», первичного, фундаментального, усиливает исключительный статус таких утверждений. При этом надо все-таки отметить, что это всего лишь социология, но никак не эпистемология.

История науки тоже оправдывает предположение о том, что произнесение истины может обосновывать ее принятие. Например, геометрия была главным примером синтетического априорного знания у Канта. В течение XIX века значительное внимание в математике было сосредоточено на постулате о параллельности. К тому времени это обычно делалось в следующей форме. Если дана линия  $L$  на плоскости и точка  $P$  в этой же плоскости, лежащая вне  $L$ , то есть одна и только одна линия на этой плоскости, проходящая через  $P$  и параллельная  $L$ . Математики оп-

ределили, что невозможно доказать постулат о параллельности, используя только остальные исходные положения геометрии. Они начали выяснять, на что будет похоже пространство, если отказаться от традиционного представления о параллельности, и получили сферическую, а потом и гиперболическую геометрию.

Поскольку идея кривизны как таковая была понята и обобщена, различия между этими случаями рассматривались как различия в характеристиках кривизны, и Риман, в частности, выяснил, что эти характеристики могут изменяться в обоих случаях.

Известно, что при формулировании общей теории относительности Эйнштейн использовал методы Римана, чтобы явным образом связать гравитацию с кривизной пространства-времени. В начале XX века, в 20-х годах, физики позаимствовали термин «космология» у философов, а физическая космология приобрела свою историю со времен Эйнштейна. Но с 1916 г. в основном уже принято считать, что геометрия является апостериорной эмпирической наукой.

В частности, даже если бы для обоснования постулата о параллельности было достаточным просто его произнести, все-таки большинство согласилось бы с тем, что это утверждение ложно в отношении пространства-времени, в котором мы живем, движемся и существуем, и нет другого подобного универсального и приемлемого самого по себе утверждения. И этот пример оказал значительное влияние на эпистемологию в XX века.

Другой пример дает идея бесконечности. Пятая аксиома Евклида гласит, что целое больше части, а интеллектуальный авторитет Евклида был непререкаемым на протяжении тысячелетий. Однако Галилей обратился к этой аксиоме, чтобы доказать, что существует столько же натуральных чисел, сколько и четных, и вместе с этим возникли первые сомнения в истинности классического (и обыденного) положения о соотношении части и целого.

Известно, что Дедекинду перевернул рассуждения Галилея и превратил отрицание аксиомы Евклида в определение бесконечных множеств. В теории множеств есть свои трудности, но теоретико-множественная теория бесконечности – это древо познания в том раю, из которого, по словам Гильберта, никто не сможет нас изгнать.

Про эту историю можно сказать и так: в ней говорится о том, что сделан исторический интеллектуальный выбор между аксиомой Евклида и определением Дедекинда. Несмотря на аргументы Фреге, в науке окончательное и полное доказательство – это исключение, а не правило,

и итогом истории про часть и целое является вывод: даже если на протяжении тысячелетий говорить, что произнесения фразы «целое больше части» достаточно для веры в ее истинность, она все-таки оказалась ложной.

В качестве третьего примера можно взять анализ понятия числа, который первоначально предложил Фреге. Для выделения общих законов логики, он обратился к смыслу утверждений, а поэтому фактически привлек идею априорности, используя идею осмысленности (интенциональности). При этом парадокс Рассела состоит в выводе противоречия из смысла утверждения посредством доказательства «от противного» (*reductio ad absurdum*), в результате которого то, что представлялось истинным, оказалось ложным. То же самое относится к другим парадоксам – Бурали – Форти и Кантора. Эти парадоксы возникают при обращении к бесконечности. Фреге дальше натуральных чисел не шел и не использовал трансфинитные ординалы. Парадоксальность подхода Фреге была продемонстрирована явным образом в письме Рассела 1902 г. С этого времени определение числа способом, который придумал Фреге, уже не считается правильным, хотя он дожил до 1925 г. и продолжал писать важные философские труды.

В рассмотренных примерах – постулате параллельности, пятой аксиоме Евклида и обращении к смыслу в определении числа – произнесение считалось обоснованием, по крайней мере на некоторое время, и при этом утверждаемое оказалось ложным. Философски эти факты говорят о том, что следует скептически относиться к идее существования априорных знаний. Как только выяснилось, что частого произнесения все-таки не всегда достаточно для обоснования, стало разумным проверить другие расхождения с наличным опытом подобного рода в истории науки. Действительно, приведенных примеров недостаточно для опровержения тезиса о невозможности априорного знания, но феноменология принципа «произнесения достаточно для обоснования» все же представляет сильный довод для возрождения рационализма в форме доктрины о существовании априорных знаний.

В начале XXI века рационализм возрождается в некоторых кругах, и Тайлер Бердж является одним из его наиболее творческих представителей. В книге «Правда, мысль, разум» он пишет:

«[Фреге] считает, что оправдание идеи о том, что логические законы истинны, основано на примитивных (здесь и далее в цитате “примитивное” означает “исходное, базовое”. – *В.К.*) законах истины и вытекает из них. Он объясняет эту эпистемическую зависимость обоснования истинности законов двумя способами. Во-первых, он считает, что законы истины указывают на то, как следует думать,

“чтобы можно было достичь истины”. Но судящий субъект обязательно достигнет истины, если он действительно участвует в оценке. Поэтому любое суждение конкретного человека обязательно подчиняется предписывающим законам, установленным примитивными законами логики. Можно оправдать их признание, потому что это необходимо для достижения цели и функции судящего субъекта. Здесь стратегия Фреге заключается в следующем: признание определенных законов (обращения) с истиной необходимо для того, чтобы иметь основания участвовать в значимом мышлении и оценочном суждении. Каждый имеет рациональное право оценивать примитивные законы логики как истинные, потому что природа разума – и также значимой оценки суждения – отчасти включает предписание, согласно которому следует признавать по крайней мере простые и основные законы истины. Грубо говоря, разум и суждение... отчасти определяются через усмотрение и признание основных законов истины. ... Фреге придерживается мнения, что хотя законы истины не зависят от предметов суждения, субъекты суждения в двух отношениях зависят от законов истины. Во-первых, быть оценивающим субъектом – это подчиняться предписаниям разума, которые, в свою очередь, определяются законами сохранения истины (логики). Ибо функция суждения состоит в достижении истины, и законы логики, которые представляют собой вневременные мысли о вневременной предметности, обеспечивают универсальные предписания относительного того, как следует думать, если учесть, что мышление имеет функцию достижения истины.

Во-вторых, быть субъектом оценки – значит иметь в настоящем или прошлом определенную степень разума. Наличие или обладание ею в прошлом требуют признания, по крайней мере хотя бы мысленного, без произнесения, самых элементарных, базовых логических истин и правил вывода» [1, р. 315–316].

Такая трактовка во многом напоминает дедуктивную модель теоретического знания, когда теория считается дедуктивно замкнутым множеством утверждений, а объяснения и предсказания строятся по дедуктивно-номологической схеме. При этом, почти по Канту, нет никакой возможности доказывать основные законы логики из чего-то более элементарного, поскольку нет более фундаментальных первичных положений (посылок). Вера в эти законы оправдана, потому что она является составной частью любого обоснования. Стратегия заключается в том, чтобы указать на те фразы (например, «как следует думать», «оценивающий субъект», «достичь истины», «иметь разум») в описании веры в элементарные законы логики, особый статус которых («аналитичность, необходимость, априорность, самодостаточность») определяет обоснованность самой веры. Такой прием расширяет предмет обсуждения, включает способ обоснования выводимых утверждений, а значит, тем самым исключает «посторонних» участников обсуждения, т.е. тех, кто не согласен с базовыми принципами.

И в этом плане интересна история материальной импликации. Об этом много спорят. Фреге, в частности, принимает закон  $A \rightarrow (B \rightarrow A)$ . Но очевидно, что утверждение  $B$  этой формуле может быть совершенно не связано с утверждением  $A$ . Как говорится, истина (первое вхождение  $A$ ) следует из чего угодно, а из лжи следует что угодно, соответственно  $\sim B \rightarrow (B \rightarrow C)$ .

И понятно, почему Фреге этот закон принимает. Признание этого основного закона, который он приводит в списке под номером (I), ему необходимо как основание для значимого мышления и оценки на истинность. Понятно, что этот закон формулирует часть истинностно-функционального понимания импликации. При таком понимании истинностная оценка условного суждения определяется только истинными оценками составляющих. Иногда истинное заключение вытекает из истинных посылок, а иногда истинное заключение вытекает из ложных посылок (все собаки – рептилии, а все рептилии – млекопитающие; следовательно, все собаки – млекопитающие).

Когда заключение вытекает из посылок, условное суждение, в котором основание является соединением посылок, а следствие – заключением, представляет собой всегда истинное утверждение. Получается, что некоторые условные суждения с истинными следствиями и истинными или ложными основаниями являются истинными. Фреге рассматривает предикаты как функции, отображающие последовательности предметов в оценку «истинно» или «ложно», и такой функтор дает значение «истинно» для тех предметов, которые обладают признаками, содержащимися в понятии (предикате). Тогда утверждение атомарного предложения совпадает с его истинностным значением. Эту доктрину Фреге распространяет на все предложения, и именно поэтому ссылка на сложное суждение является функцией истинности составляющих, а значит, его основной закон № I необходимо истинен. Таким способом Фреге получает аргумент в пользу базового закона, не нуждающегося в доказательствах. Однако не все сложные предложения естественного языка функционируют в соответствии с законом сохранения истины: некоторые истины необходимы, а некоторые истины истинны с вероятностью, а бывают просто ложные.

Если предикат что-то обозначает, то это может быть и набор предметов, для которых предикат истинен, т.е. которые удовлетворяют описанию, содержащемуся в предикате. В частности, это значит, что при желании любое описание некоторого множества предметов можно заменить на теоретико-множественные варианты расселовских определенных

дескрипций, которые будут выражены предложениями формализованного языка, подобного языку Фреге [5].

Правило о том, что все условные предложения с истинными следствиями верны, и его аналог про основания, когда все условные выражения с ложными основаниями истинны, многие считают спорным. Его связывают с так называемыми «парадоксами материальной импликации», где прилагательное «материальная» представляет собой использование истинностно-функциональных логических связок, при которых истинности следования или ложности основания достаточно, чтобы условное высказывание считалось истинным. Есть даже формулировки этих принципов: «из лжи следует что угодно» и «истина следует из чего угодно». В этом случае истинностно-функциональной трактовки импликации (условного суждения) вполне достаточно для обоснования следствия основанием.

Спор об адекватности истолкования условного высказывания, в том числе сослагательного наклонения как истинностно-функционального является древним, но постоянно возрождается, и даже используется в попытках привести примеры его неадекватности. На эти аргументы есть свои ответы, в частности, утверждение о том, что дедуктивно-номологическое объяснения вполне себе разумно с точки зрения сохранения истинности от посылок к заключению, а этого уже достаточно, хотя риторически, возможно, это не совсем оправданно. Даже известные контр-примеры Геттиера для идеи знания как обоснованного истинного мнения построены исключительно на указании на то, что объяснение может показаться неадекватным. Возможность истинности полученного заключения при этом не отрицается, а даже и предполагается, так что сохранение истины (предположенной) вовсе не оспаривается [4]. В частности, в этих опровержениях используются все те же особенности материальной импликации, ее парадоксальность с интуитивной точки зрения. Насколько и в каких случаях важно различать обоснование дедуктивное и «риторическое» – вопрос сложный. По этому поводу можно только заметить, что настоящие памятники философии – это ее проблемы, например споры о возможности априорного знания. Такие проблемы никогда не решаются в том же виде, в котором поставлены, что может выглядеть со стороны как отсутствие прогресса. Тем не менее прогресс есть, и он заключается в развитии и достижениях техники философского анализа и тех обсуждениях, которые из него вытекают.

## Литература

1. *Burge T.* Truth, Thought, Reason: Essays on Frege. Oxford: Clarendon Press, 2005., pp.315–16.
2. *Carnap R.* Der logische Aufbau der Welt. Berlin-Schlachtensee: Weltkreis-verlag, 1928.
3. *Frege G.* The Foundations of Arithmetic: A Logico-mathematical Enquiry into the Concept of Number. Oxford: Basil Blackwell, 1980
4. *Gettier E.L.* Is justified true belief knowledge? *Analysis* v. 23, 1963, pp.121–123.
5. *Hart W.D.* The Syntax of the World. In: *Crítica* v. 28 (April 1996): 13–24.
6. *Quine W.V.* Two dogmas of empiricism. From a Logical Point of View. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980
7. *Russell B.* Our Knowledge of the External World. London: George Allen & Unwin, 1914.
8. *Whitehead A.N., Russell B.* Principia Mathematica. Cambridge : Cambridge University Press, 1925.

## References

1. *Burge, T.* (2005). Truth, Thought, Reason: Essays on Frege. Oxford, Clarendon Press, 315–316.
2. *Carnap, R.* (1928). Der logische Aufbau der Welt [The Logical Structure of the World]. Berlin-Schlachtensee, Weltkreis-verlag.
3. *Frege, G.* (1980). The Foundations of Arithmetic: A Logico-mathematical Enquiry into the Concept of Number. Oxford, Basil Blackwell.
4. *Gettier, E.L.* (1963). Is justified true belief knowledge? *Analysis*, 23, 121–123.
5. *Hart, W.D.* (1996). The syntax of the world. *Crítica*, 28, 13–24.
6. *Quine, W.V.O.* (1980). Two dogmas of empiricism. In: Quine, W.V.O. From a Logical Point of View: 9 Logico-philosophical Essays. Cambridge, Mass., Harvard University Press.
7. *Russell, B.* (1914). Our Knowledge of the External World. London, George Allen & Unwin.
8. *Whitehead, A.N. & B. Russell.* (1925). Principia Mathematica. Cambridge, Cambridge University Press.

## Информация об авторе

*Карпович Валентин Никонович* – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева 8, email: [kvn@philosophy.nsc.ru](mailto:kvn@philosophy.nsc.ru))

## Information about the author

*Karpovich Valentin Nikonovich* – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Leading Researcher at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8 Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia, email: [kvn@philosophy.nsc.ru](mailto:kvn@philosophy.nsc.ru)).

Дата поступления 28.07.2019